

В ЗАЩИТУ ИДЕОЛОГИИ¹

I

Этот интересный доклад заслуживает внимательного рассмотрения и требует ответа.

Изложим вкратце прежде всего его главное содержание.

Согласно определению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, идеология передовой мыслящей интеллигенции представляет собою соединение социально-политических стремлений с наукой, философией и этикой, проникнутое религиозным чувствам. Передовой интеллигентный идеолог, преследующий по существу реальные общественно-политические задачи, берет при этом за исходную точку исключительно субъективную, моральную потребность, выражающуюся в вопросах: «что делать?», «как жить свято?». Искомая система взглядов и вытекающая из нее практическая деятельность имеет, таким образом, своей целью удовлетворить стремление к святой жизни, наполнить все духовное существование без всякого пробела.

Благодаря таким психологическим предпосылкам и запросам воспринятая система неизбежно становится неприкосновенной святыней, религией, отступление от которой есть грех, падение, измена. Отсюда боязнь критики, нетерпимость, замкнутость, влекущие за собою бедность восприятия, потерто психологического чутья к действительности, — короче, идеологическое мышление приводит к фанатизму и сектантству, обрекая, в конце концов идеолога на бездействие.

Эти психологически религиозные черты были в свое время свойственны западноевропейской интеллигенции, но с особенной силой и яркостью они выразились в истории развития русской передовой интеллигенции.

Но власть идеологического мышления заметно падает. Процесс этого падения совершается под влиянием и в зависимости от объективного исторического хода вещей. Общественные отношения достигли такой степени зрелости, при которой многообразная современная действительность как бы сама собою выдвигает определенные и ясные задачи, зацепляя и втягивая той или другой своей стороной прогрессивно мыслящую, образованную интеллигенцию в свой водоворот. Чтобы в настоящее время быть демократом, нет надобности поклоняться системе Гегеля или другого мыслителя. Демократические цели диктуются нам реальной жизнью, не имея прямого отношения к субъективным, чисто индивидуальным, требованиям духа. Иначе говоря, на высших стадиях общественного поступательного движения происходит разграничение между ценностями, имеющими всеобщее значение, и ценностями субъективными; социальная психология отделяется от психологии индивидуальной, т. е. от потребности души в религиозном значении этого слова. Идеологическое мышление становится в таком случае исключительным достоянием отдельной личности, и каждая отдельная личность может свободно, без всякого ущерба для общественно-культурной работы, как и для своего собственного развития, «спрятать свою идеологию в карман».

И «кризис идеологического мышления» в данном именно направлении уже

¹ По поводу доклада Д. Н. Овсяннико-Куликовского, прочитанного 11 января 1914 г. во Всероссийском литературном обществе.

налицо. Он ярко сказывается хотя бы в том, что в одной и той же партии работают люди различного идеологического исповедания, но солидарные в «программах и принципах».

Резюмируя изложенное, мы получаем следующие три положения:

1. Психология идеологического мышления тождественна с психологией религии.
2. Исчезновение из общественной арены религиозного, в психологическом смысле идеологического мышления есть явление в высокой степени прогрессивное.
3. Господство идеологического творчества в Западной Европе давно пришло к концу. На смену ему пришли политические партии и практическая деятельность. Поворот в этом именно смысле наблюдается и в среде нашей передовой интеллигенции. Это и есть «кризис идеологического мышления», который надо приветствовать.

II

Под влиянием сильного господства скептической мысли и теснейшим образом связанного с скепсисом искусственного культивирования религиозных настроений слово «религия» стало применяться к течениям, взглядам и воззрениям, не только ничего общего с религией не имеющим, но прямо противоположным ей.

Кант справедливо замечает, что скептики — это род номадов, который презирает и разрушает возделанные поля. Давно и прочно установившиеся понятия, совершенно очевидные и, стало быть, нисколько не нуждающиеся в пересмотре, не могут, однако, ускользнуть от бесплодного отрицательного анализа скепсиса. Все решительно крупнейшие мыслители и выдающиеся историки, да и вообще люди здравого смысла определяют религию как область, сущность которой состоит в допущении связи человека с божеством, в вере в потусторонний мир как восполнение мира постигаемого.

Но скептик питает ненависть к возделанному полю.

Необходимое научное методологическое требование, согласно которому всякое понятие и всякое правило складывается на основании *определенной совокупности существенных свойств и соотношений*, не существует для скептического ума. В своем неудержимом стремлении разрушить синтез скептик берет под свою защиту неизбежное исключение из общего правила, при помощи которого — исключения — он старается уничтожить правило, разрушить обобщение и свести всякий закон на-нет.

Как раз по этому шаблону мыслят современные скептики в вопросе об определении религии.

В историческом развитии можно конечно найти такое религиозное течение, в котором анимистский элемент нашел себе слабое выражение;² с другой стороны,

² Защитники так называемого расширенного понятия религии ссылаются обычно на буддизм, как на религию мирового значения и в то же время чуждую веры в потусторонний мир. Буддизм имеет свою нирвану, которая в психологическом отношении ничем не отличается от веры в потусторонний мир.

не трудно заметить в системах мирского характера психологические черты, свойственные и религии. Опираясь на исключение и упуская из виду, что всякое понятие составляется на основании *данной* определенной совокупности признаков, скептик делает заключение, что религия определяется не верой в бога, а психологическими чертами, свойственными в той или иной степени всем мировоззрениям. Такими отличительными чертами являются чувство поклонения, «влюбленность» в данную систему взглядов, страстная их защита, фанатизм и т. д. А отсюда уж следует и дальнейший вывод, что, например, атеизм и материализм заключают в себе религиозный элемент и что Демокрит, Эпикур, Лукреций, Гоббс, Гольбах, Гельвеций, Маркс, Энгельс и другие материалисты и атеисты были в психологическом отношении такими же религиозными типами, как, например, блаженный Августин, Ориген, Франциск Ассизский и вообще все святые и отшельники мира. А затем можно, следуя по тому же логическому пути, признать вообще всякое проявление эмоциональной жизни религиозным.³

Одним словом, в конечном счете получается изумительное смешение понятий, полное разрушение «возделанного поля» и тот первобытный хаос, из которого А. Луначарский творит свою более чем странную религию.

Встречая сплошь и рядом такое смешение понятий в современной литературе стиля модерн, насквозь проникнутой патологическим скептицизмом, перестаешь удивляться подобным ненаучным приемам мысли. Но эти приемы прямо поражают у такого писателя-психолога, как Овсяннико-Куликовский. Почтенному критику, являющемуся хорошим знатоком классической литературы, несомненно известно, что одно из выдающихся качеств классика, это — не начинать все сначала и не разрушать правило на основании исключения и *совпадения второстепенных*, производных признаков.

Стоило бы нашему проницательному критику сравнить, выражаясь его метким словом, «душевную позицию» идеолога-атеиста с «душевной позицией» религиозного типа, и ему бы, думается нам, сразу стало очевидно, что в атеистически идеологическом мышлении нет и следа религиозного чувства.

Сопоставим, например, Акима из «Власти тьмы», этого типичного представителя религиозного сознания, с сознательным пролетарием, воодушевленным идеалом социализма. Аким весь где-то в ином мире. Земля занимает его ровно постольку, поскольку на ней согрешил его сын Никита. Здесь, на нашей планете, ему ничего не нужно; он даже говорить не выучился, — лишнее, — Бог его и так поймет. А для того чтобы воздействовать на божественную часть в человеке, на его совесть, достаточно произнести со святым волнением «таё... таё...». Вся его сила — в отсутствии потребностей, в так называемой внутренней свободе. Идеолог-рабочий, напротив того, всецело на земле. Его сила и его душевная мощь не от сознания бога, а в его ярком и полном чувстве и сознании крепкой органической связи с его классом, являющимся носителем великой и новой исторической задачи. Тут нет и тени покорности и обязательно связанного с истинно религиозным чувством пренебрежительного отношения к материальным благам, а есть, наоборот, гордая и глубочайшая уверенность в том, что жизнь стоит того, чтобы жить, а исторические идеалы человечества стоят того, чтобы за них

³ Оспаривая религиозный характер светской идеологии, Редько иллюстрировал в прениях целым рядом метких примеров неправильность такой точки зрения.

вести серьезную и упорную борьбу. Словом, в психологии рабочего социалиста мы видим все те психические основные черты, которые дают немецкому буржуа достаточный повод повторять свою стереотипную фразу: «Die Arbeiterschaft ist frech geworden, weil anstatt der Religion der Materialismus herrscht».⁴

В психологии современного сознательного пролетария действительно воскрес живой дух Эпикура и Лукреция, обогащенный новыми элементами культуры, а душевным миром Акима управляет тень *Плотина*, стыдившегося своей плоти.

Психология религии и психология материалистического мировоззрения противоположны друг другу по своему внутреннему существу. И было бы с научной точки зрения гораздо целесообразнее и гораздо плодотворнее искать в психологии религии материальных корней и нитей, чем наоборот, приписывать психологии материализма и атеизма религиозные свойства.

Но нас, пожалуй, спросят, — не все ли равно, в конце концов, каким термином определяется психология «идеологического мышления» в интерпретации Овсяннико-Куликовского? На этот возможный вопрос ответим, что, во-первых, не следует спутывать понятий, даже в том случае, когда непосредственно нельзя предвидеть отрицательных последствий от такой путаницы, во-вторых, во всем построении Овсяннико-Куликовского всякой прогрессивной идеологии придется религиозная окраска.

Религия, — думает Овсяннико-Куликовский, — должна в процессе общественного развития человечества, все более и более терять свое *общественное значение*. А так как отличительную черту прогрессивной идеологии составляет религиозный элемент, то и идеология как *общественный* фактор должна быть сдана в архив истории. Справедливость первого положения затуманивает ошибочность второго вследствие отождествления религиозной психологии с психологией общего научного мировоззрения.

III

Обратимся к следующим пунктам.

Если взглянуть на положение прогрессивно-идеологического мышления с чисто фактической стороны, то с почтенным критиком можно согласиться вполне, поскольку речь идет об образованной и мыслящей интеллигенции Западной Европы.

На Западе дело на этот счет обстоит в общих чертах приблизительно так: Буржуазия сыграла свою широкую историческую роль. Ее творческая миссия в смысле крупных и смелых завоеваний закончена совершенно. На общественной арене ей ничего не осталось, кроме жалкой, жадной, принижающей колониальной политики и борьбы за рынки.

Упорно и настойчиво подвергаемая угрозе со стороны растущего всемирного социалистического движения, с которым, по остроумному выражению Асквита, флиртовать не приходится, она вынуждена, с одной стороны, всеми силами и средствами защищать свои завоеванные позиции, а с другой, идти на компромисс. А консерватизм, соединенный с вынужденными уступками, не может служить

⁴ Рабочий класс обнаглел, потому что на месте религии господствует материализм.

источником творческого вдохновения, широкого размаха и больших исторических перспектив. Этим косным, инертным, застывшим социально-политическим положением обуславливается в общем и целом все психологическое состояние этой среды.

Талантливая и более чуткая, более тонко организованная интеллигенция, вышедшая из буржуазной среды, тяготеет к этой последней; она глубоко недовольна окружающим ее буржуазным миром, обличая его подчас сильнее любого социал-демократа. Она ищет, и жадно ищет, новых ценностей. Но в силу различных условий, в рассмотрение которых входить здесь не место, она органически не в состоянии примкнуть к идеалу пролетариата. Идеологам буржуазии XVIII в., выходцам из дворянской среды, было не так трудно стать на точку зрения третьего сословия, ибо переход от одного падающего привилегированного сословия к другому, материально сильному, восходящему по исторической лестнице, *психологически* несравненно легче, чем переход к рабочему классу, который, говоря языком «Коммунистического манифеста», в *материальном отношении* пока кроме цепей ничем не владеет. На этом материальном «базисе» воздвигается у интеллигенции многоэтажная, до чрезвычайности сложная, психологическая «надстройка».

Порвавшая во многом с буржуазией, но неспособная примкнуть к идеям пролетариата, эта жаждущая и ищущая интеллигенция бросается из стороны в сторону, судорожно цепляясь за всякие субъективные ценности, культивируя их болезненно и искусственно. Импрессионизм — ее отличительная черта. Она живет по существу только сегодняшним днем и молится однодневным богам. Бывают, подобно поденкам, и однодневные боги.

Часть «весьма и весьма ничтожная» обслуживает так или иначе рабочее движение, но большинство из этого ничтожного меньшинства не проникается социалистическим идеалом. Око служит пролетариату наподобие Кати из «Заложников жизни»,⁵ — любит одного, а замужем за другим, — так же питая по видимому тайную надежду на то, что возлюбленный когда-нибудь станет на ноги. Одним словом, факт упадка прогрессивно-идеологического творчества в Западной Европе налицо. И этот факт бьет в глаза с особенной силой при сопоставлении современной философской мысли с философскими великими системами той эпохи, когда буржуазия была революционна и вступала в борьбу со старым феодальным порядком.

Философия XVII, XVIII и начала XIX вв. пропитана до мозга костей живым революционным социально-политическим содержанием. Тут закладывается фундамент философии истории, истории философии, социологии, педагогики, философии права и. т. д.

Поистине великие исторические задачи воодушевляли немецкий абсолютный идеализм, который нашел себе полное завершение в многосторонней, оплодотворившей почти что все области познания гегелевой системе.

5 июля 1816 г. Гегель писал в письме к Нитгамеру, между прочим, следующее: «Я убежден, что всемирный дух скомандовал нашему времени «вперед!». Команда встречает сопротивление, но это существо идет неуклонно, как железная, тесно сплоченная фаланга», и т. д. Эти энергичные, мужественные строки характеризуют

⁵ Нашумевшая в то время пьеса Сологуба.

собою как нельзя лучше и как нельзя ярче общее направление общественной мысли великих философов, отразивших в своих «идеологиях» бурные стремления молодой западноевропейской буржуазии.

Ну, а теперешняя философия, разве она обнаруживает хотя бы одну живую общественную плодотворную идею? Решительно ни одной. Кладбищенской тоской веет от ее неустанных восхвалений капиталистической культуры и кропотливого скучнейшего анализа понятия и ценности культуры как таковой.

Тем не менее современная философия также вся пропитана общественной «идеологией». Только, разумеется, идеологией консервативной, ибо ее лейтмотивом служит упорная, страстная и в подлинном смысле *религиозная* защита существующего порядка вещей. Так что, когда Овсяннико-Куликовский приветствует во имя требований и запросов действительности освобождение от идеологии, то он вопреки своим собственным идеалам приветствует консервативную или даже реакционную идеологию, ставя первым плюс, а революционной идеологии минус. Ни один класс и ни одна партия не обходятся без идеологии, и весь вопрос в том, каково ее конкретное содержание.

Общественная действительность без идеологии есть такое же метафизическое бессодержательное понятие, как другая сторона дуалистической точки зрения Овсяннико-Куликовского, — идеология, оторванная от действительности. Всякое мировоззрение есть отражение действительности — ее статики или динамики — и именно потому, что она является отражением действительности, она оказывает на последнюю обратное действие.

Интимной, индивидуальной идеологии, составляющей идеал Овсяннико-Куликовского, нет и быть не может. Самый крайний индивидуалист, мизантроп, презирающий род человеческий, проповедует свою идеологию не менее страстно, чем всякий другой идеолог. Даже солипсист, убежденный в том, что кроме него самого ничто и никого не существует, и тот старается всеми силами сделать свою теорию общественным достоянием.⁶ Тут можно сказать словами Гете:

Nichts ist innen, nichts ist draußen,
Denn was innen, das ist außen.⁷

Пойдем дальше и коснемся хотя бы слегка «кризиса идеологического мышления» в нашей русской интеллигенции.

Наша образованная и мыслящая интеллигенция имеет еще пока все исторические объективные основания для того, чтобы оставаться в рядах демократии и социал-демократии. И она до сих пор в достаточной мере проявила себя в данном направлении.

Правда, в последние годы, — годы истинно русской реакции и глубокой общественной усталости, забавляясь религией и мистицизмом как индивидуальной

⁶ П. Юшкевич в статье, посвященной докладу Овсяннико-Куликовского, поставил мне в упрек, почему я в своих возражениях упустила из виду социально-психологический характер идеологии. П. Юшкевич не обратил по-видимому внимания на сделанное мною тогда же указание на то, что идеи Лютера, Руссо и Маркса были выражением общественной жизни и именно вследствие этого могли оказать обратное действие на общественный ход развития. Это и есть социально-психологическая точка зрения.

⁷ Нет ничего внутри, нет ничего снаружи, ибо то, что внутри, то и снаружи.

идеологией (которая, замечу в скобках, все же является выражением общественного течения), наша передовая интеллигенция в самом деле как бы образумилась и стала ликвидировать революционную идеологию. Но делать на основании периода реакции широкие и законченные обобщения на мой взгляд рискованно и преждевременно. Легко может случиться, что ход событий вверх дном опрокинет подобного рода предсказания.⁸

Но если русская интеллигенция в самом деле освободится от «власти» «идеологического мышления», то она — это можно предсказать с полной уверенностью — не пойдет по пути, желательному Овсяннико-Куликовскому.

IV

В прениях выяснялось все более и более, что религиозным моментом в идеологии следует, по мнению Овсяннико-Куликовского, признать психическое отношение идеолога к своей системе, любовь к ней, «влюбленность» в свою идею. Религиозным должно считаться это отношение еще и по той причине, что точка зрения развития, лежащая в основе современной науки, лишает нас уверенности в абсолютной ценности исповедуемой теории. Все относительно, нет абсолютных истин, — говорит нам положительное знание, — а отсюда вытекает тот вывод, что устойчивая и страстная привязанность к преходящей ценности берет свое начало в религиозном предрасположении субъекта.

Внимательно вглядываясь в эту, с виду научную, аргументацию, нетрудно заметить, что она имеет своим отправным пунктом религиозное, метафизическое исходное требование. Тут скрытым образом предполагается, что «влюбленности» и страстной защиты заслуживает *только ценность вечная, неизменная*. Почему же это так? Почему сознание исторической относительности духовной ценности должно умалять степень «влюбленности» в нее?

Клятва юноши в вечной и неизменной любви вызывает у нас добродушную улыбку, но мы, несмотря на это, сурово осуждаем легкомысленную измену. Тут, в этом сублильном вопросе, где мысли, а подчас и чувству приходится балансировать между устойчивостью и изменчивостью, мы всегда ходим по узкой тропинке, густо усаженной по обеим сторонам шиповником. Заезвался чуть-чуть в сторону, и беда — застрял. А из этого один вывод — интеллектуально не следует зевать.

Кроме того, сама историческая относительность уже не так головокружительна и не так абсолютна, как это представляется «одностороннему рассудку». «Каждая философия, — справедливо говорит Гегель, — была необходима, и ни одна еще из них не погибла, но все они как моменты некоторого целого положительно сохраняются в философии как таковой». Это самое можно сказать о всякой отрасли познания, а также и об «идеологиях» исторического прошлого русской демократической интеллигенции. Революционное народничество 70-х годов, на которое, между прочим, примерами указывалось Овсяннико-Куликовским, как на яркий пример «религиозного» отношения к общественным задачам, было на самом деле общественной теорией своего времени. Признание общины объективным

⁸ Статья написана в 1914 г.

базисом, на котором должно было воздвигаться социалистическое здание, и убеждение в социально-революционных инстинктах крестьянства доказывались при помощи тех доводов, которые воздвигались тогдашней действительностью, а не были предметом слепой религиозной веры. Мало того, в этом воззрении лежала несомненная истина, заключающаяся в том, что, во-первых, социалистическое учение должно исходить из *объективной экономической основы*, а во-вторых, что серьезный общественный переворот может быть совершен только народной массой. Эти два важных положения вошли в их *общем теоретическом виде* в социал-демократическую идеологию, что не мешало этой последней выступить «*с новым словом, исторически очередным и очень содержательным*».⁹

Беззаветная преданность народников своим идеалам, их «влюбленность» в свои воззрения, их постоянная готовность на героический подвиг были и остаются частью русской исторической действительности, двинувшей революционную Россию вперед, частью действительности, необходимой и положительной, и никоим образом не излишним придатком на *общественной арене*, который следовало бы спрятать в карман.

В заключение выясним себе более конкретно, о какой собственно из современных идеологий идет речь у Овсяннико-Куликовского. В докладе были на этот счет сделаны некоторые намеки, истинный смысл которых становится совершенно очевидным из только что цитированной работы. Прочтем следующие строки: «Я думаю, — пишет критик, — что социалистическую идеологию и незачем превращать в религию и философию. Ее призвание — служить орудием социального и исторического диагноза, и она сильна *наукой и критикой*. Марксизм, не пригодный «для души», для религиозных эмоций, для философских созерцаний, в высокой степени пригоден *для понимания хода вещей, для прозрения в будущее и для рационального исторически необходимого действия*».¹⁰ Итак, ясно, дело идет о марксизме, о теории научного социализма.

Что социалистическое учение не следует превращать в религию, это — истина бесспорная. Что же касается связи научного социализма с философией, то — это другой вопрос. На наш взгляд научный социализм теснейшим образом связан с философским диалектическим материализмом, представляя собою его социологическое и логическое продолжение. Этот наш взгляд нашел своих защитников в теоретической марксистской литературе, и когда речь идет об этом предмете, следовало бы, как нам кажется, считаться с их аргументацией. Почтенный, вдумчивый и вообще осторожный критик счел почему-то возможным ограничиться на этот счет одной лишь следующей фразой: «Боюсь, что и усилие превратить его (марксизм. — *Орт.*) в цельное и широкое философское мировоззрение успехом не увенчается...».¹¹ Впрочем, в данной связи не это важно, а важно то, что Овсяннико-Куликовский отнимает у марксизма его субъективный элемент, превращая его тем самым в учебник по арифметике.

К психологии марксизма часто применяли и даже, если не ошибаюсь, и некоторые марксисты, общеизвестное положение Спинозы: не плакать, не

⁹ См. статью Овсяннико-Куликовского, «Итоги русской художественной литературы XIX в.», «Вестник воспитания», № 6, стр. 25, 1912 г. Курсив автора.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 87.

смеяться, а понимать. Это — большое заблуждение. Суть, основа марксизма состоит в стремлении охватить возможно полнее, всестороннее многообразную действительность и воздействовать на нее. В действительности же человек, и как объект и как субъект, существо не только мыслящее, но и чувствующее. А потому несравненно вернее будет в отношении психологии марксизма¹² видоизменить бесстрастную, чисто созерцательную формулу великого мыслителя и сказать: *и плакать, и умяться, но прежде всего понимать.*

Овсяннико-Куликовский, исходя во всем своем построении из дуалистической точки зрения, раскалывает внутренний мир человека на две противоположные части — на чувство и интеллект.

Первое — интимно, абсолютно индивидуально, второй — абсолютно социален. Для чувства, «для души» пригодны «мистицизм и религия». «Душе» же нет места на общественной арене: там должен действовать один холодный интеллект, математический, бесстрастный расчет и подсчет.

Оставляя здесь в стороне вопрос о качестве предлагаемой Овсяннико-Куликовским душевной пищи религии и мистицизма, заметим, что этот род дуализма совершенно осужден и опровергнут как современной научной психологией, так и материалистической и позитивистской философией.

Удовлетворение потребности чувства стоит в теснейшей органической связи со всеми формами деятельности интеллекта.

Успокоение стремлений души не в мире, а вне мира, в религии и темных безднах мистики делает человека очень и очень мало пригодным для социалистической деятельности. Чаще всего такое раздвоение завершается изменой общественному делу.

Единство действительности разрушает умозрительный дуализм.

1914 г.

¹² Не следует смешивать психологию марксизма с методом.